

Наталья Прокофьева
Визитер

Наталья Прокофьева

Визитер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32491824

ISBN 9785449055323

Аннотация

Эту книгу можно назвать и остросюжетным романом с элементами детектива, и мировоззренческим произведением, и фантастикой. Герой Александр Травин – начинающий писатель и драматург, не лишенный таланта. Он страстно хочет быстрого успеха. А еще он хочет любви прекрасной женщины. И сам не замечает, как попадает в ловушку. Взыскательный читатель получит удовольствие от живого, современного, и в то же время доброкачественного литературного языка.

Содержание

Предисловие	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Визитер

Наталья Прокофьева

© Наталья Прокофьева, 2018

ISBN 978-5-4490-5532-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Отважившись на прочтение толстой ли, тонкой ли книги, мы, как прави Но порой, как ло торопимся поскорее добраться до самого интересного – кто кого убил, кто кого любил, и как украли миллион. А потому часто пропускаем вступление, часто называемое предисловием. Да и писать его не очень-то увлекательно. Другое дело, с трудом сдерживая рвущуюся вперед фантазию, преодолевать хитросплетение ситуаций, по пути заглядывая в тайники душ своих героев... Но порой, как, например, сейчас, предисловие совершенно необходимо, без него слишком многое останется непонятным, даже то, откуда взялось все повествование.

Случилось так, что по делам службы пришлось мне несколько дней прожить в захудалой гостинице одного провинциального, но довольно большого города. Собираясь покинуть временное пристанище и укладывая а дорожную сумку немногочисленные пожитки, я в поисках затерявшегося носка, заглянул под кровать. Вместе с носком я извлек из пыльного подкроватного пространства флешку.

Попытка отдать находку дежурной по этажу успехом не увенчалась. Величественная дама, едва взглянув на неопознанный объект, заявила, что номер до меня недели две пустовал, и если до сих пор никто не хватился пропажи, то и не хватится, а ей чужого не нужно. Решив, что флеш-

ка скорее всего пустая, но может пригодиться, я бросил ее в сумку и тут же о ней забыл.

Дома, разбирая сумку, я решил все-таки посмотреть, что не ней записано, и вставил ее в компьютер. Вскоре я понял, что потеря носка оказалась судьбоносной. Благодаря этому малозначительному недорозумению, удалось приблизиться к разгадке тайны исчезновения писателя Александра Травина, известного не столько литературными произведениями, сколько скандалом вокруг его имени.

На дискете оказалась то ли рукопись автобиографической повести, то ли просто дневниковые записи. Следуя за причудливым ходом своей мысли, автор порой возвращается назад, а то ли просто начинает писать от третьего лица. Но понимая еще за чем, я решил привести рукопись в удобочитаемый вид, и первым моим побуждением было избавиться от некоторой путаницы и неаккуратности, но потом я вспомнил, что нечто подобное позволяли себе и некоторые широко известные литераторы, и решил оставить все, как есть.

Рукопись, хоть и обрывалась не полуслове, проливала свет на обстоятельства последнего периода жизни современного классика. И что самое главное, не какой-то писака, который и нафантазировать, и присочинить может, в само главное действующее лицо. Это подтолкнуло меня к решению, изменив имена, что дает мне право заявить о случайности совпадений описанный событий с реальностью, а потому никакой ответственности я ни за что не несу. предложить произведе-

ние вниманию читающей публики, что я и делаю.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Земную жизнь пройдя до половины
Я оказался в сумрачном лесу
Данте

То был ли сам великий Сатана,
Иль мелкий бес из самых нечиновных,
Которых людям дружба так нужна
Для тайных дел...
Михаил Лермонтов, «Сказка
для детей»

В осеннем пасмурном утре, когда день не торопится сменить ночь, и горит лампа в низко опущенном над столом абажуре, пусть даже полинялом и пыльном, есть особый уют. Дождь монотонно барабанит по оконному стеклу, ветер подвывает в щелях не законопаченного еще на зиму окна, а на плите булькает и вот-вот закипит вода в кофейнике, и уже разносится по кухне такой знакомый, такой утренний запах.

Не успел я допить вторую порцию кофе, как в дверь позвонили. С сожалением отодвинув чашку, в которой оставалось еще два-три глотка крепчайшего напитка, слишком горячего и вкусного, чтобы выпить его одним махом, я пошел

открывать дверь, раздумывая над тем, кого принесло в такую рань. Я ложился поздно по разным причинам, иногда и потому, что работал за полночь, и в 10 часов мое утро только начиналось. А именно это время показывали настенные часы.

На пороге стоял мужчина неопределенного возраста, одетый во что-то маскарадное – то ли фрак, то ли сюртук, правда, несколько потрепанный и имеющий на плечах следы плохо счищенной перхоти, белую жилетку не первой свежести, такую же рубашку и голубой в белый горох галстук – бабочку. Увидев меня, он снял с головы похожую на цилиндр шляпу и, зажав подмышкой трость, вежливо поклонился. Сначала я решил, что это мой приятель Валька Журавлев, и что он в costume и гриме легкомысленного Бони из знаменитой оперетты приехал прямо из театра, а что костюм подержан, так из старого гардероба вытащил. Но потом сообразил, что в десять утра он никак не может заявиться в таком виде, потому что ни спектакли, ни репетиции в такое время не только не кончаются, но даже и не начинаются. К тому же лицо у Вальки было незначительным, с мелкими чертами, почему и доставались ему второстепенные роли. Лицо же нежданного моего визитера незначительным никак назвать невозможно. И главенствовал на нем нос, примечательный не только своими размерами, но и какой-то бросающейся в глаза нахальностью.

– Ну что ж мы в дверях стоим? – спросил ранний гость без тени смущения. – Приглашайте войти.

Я молча отодвинулся, освобождая проход. Он уверенно, как будто многократно бывал в моей малогабаритной однокомнатной квартире, проследовал на кухню и расположился на угловом диванчике, положив рядом с собой цилиндр и пристроив в углу трость, из чего я сделал вывод, что не очень-то она ему нужна, а носит он ее больше для форта. В мутном осеннем свете, падающем из давно не мытого кухонного окна, я обратил внимание, что голову его украшает длинная лысина, протянувшаяся ото лба до самой макушки и обрамленная темными, с легкой проседью, вьющимися волосами.

Гость молча, с усмешкой смотрел на меня. Не зная, как начать разговор, я предложил:

– Может, кофе хотите?

– Конечно, хочу! И покрепче, пожалуйста! А я-то думаю, предложите или нет? Уж больно пахнет вкусно, кофей, видно у Вас хороший. – Он даже руки потер в предвкушении удовольствия. – Ну что ж, будем знакомиться, – сказал он, когда я поставил перед ним дымящуюся чашку. – Впрочем, я и так про Вас много что знаю. И даже про пожилую даму, которая не дает Вам покоя, и от которой Вы никак не можете избавиться.

От удивления я чуть не пролил горячий кофе себе на джинсы. Дело в том, что в последнее время меня действительно преследовала пожилая и весьма достойная дама, которая появлялась не предусмотрено и уютно устраи-

валась на страницах сочиняемого мною романа, то пытаюсь заменить собой юную прелестницу и тем самым разрушить сюжетную интригу, то совершенно неподобающим образом вмешиваясь в мужские разговоры, а то и вовсе ядовито комментируя авторские отступления. Почтенная дама проскальзывала в любую щель, и, наверное, для чего-то была нужна, только я никак не мог понять, для чего. Но он-то откуда это знал? Романа моего никто не читал, и неизвестно, будет ли читать, да и будет ли он вообще дописан.

– Откуда про даму знаете?

Он проницательно улыбнулся. Глаза у него были голубовато-серые, причем скорее серые, того цвета, который называется стальным, губы тонкие и розовые. И чем больше я смотрел на него, тем больше мне казалось, что где-то я его уже видел. И нахальный нос, и продолговатая лысина каким-то образом запечатлелись на окраинах моей памяти.

– А еще я знаю, что Вы одиноки, больны, устали и почти отчаялись, но стараетесь не показывать вида. Кстати, больны Вы гораздо серьезнее, чем думаете.

Я вздрогнул. В глубине души я подозревал это, хотя и гнал догадку от себя.

– Хватит обо мне, – резко сказал я, – может, соизволите, наконец, и Вы представиться? А то явились в маскарадном костюме, пьете мой кофе, а у меня всего полбанки осталось, говорите всякие неприятности...

– И представлюсь, отчего ж не представиться! Коммивоя-

жер я, продавец, значит, и рекламный агент. А что до костюма, все переодеться не успеваю, работы много.

Я с облегчением вздохнул. Ну, конечно же, сейчас по квартирам ходят разные люди, предлагающие все подряд. Недавно приходила совсем юная особа, предлагала купить мышеловку с уже заряженным кусочком сыра и смотрела так жалобно, даже трогательно, что я совсем уж было собрался купить, но вовремя вспомнил, что денег нет, а то вышла бы неловкость. И еще рассылают письма, из которых следует, что про тебя известно все, и даже про сломанный пылесос, замену которому обещают доставить на дом бесплатно. Я сам получал такие. Этот, судя по вступлению, собрался рекламировать герболайф, или что-нибудь в таком роде, потому и намекал про болезнь. Я уже хотел выставить его за дверь, но вспомнил про старую даму. Старая дама в схему не вписывалась. Что-то здесь было не так.

– И чем торгуете?

– Всем! Всем, чего душа пожелает! Продаю и покупаю. По сходной цене. У меня такие, знаете ли, люди отоваривались!

Пока он говорил, лицо его менялось. Глаза подергивались молочной мечтательной пленкой, губы растягивались в сладчайшую улыбку, и даже нос терял нахальство, становясь просто несколько крупноватой частью лица. Сейчас он походил на обычного лотошника, расхваливающего свой товар.

– Так что предлагаете, подробнее не можете изложить?

– Все, чего Вам не хватает. Имеется самоуверенность, удачливость, нахальство, тоже вещь не лишняя, богатство, вернее, благосостояние, богатство сейчас не могу, кризис, знаете ли, ну и железное здоровье, само собой. Можно начать жизнь сначала.

– И какова цена?

Он опустил глаза.

– Сами догадайтесь... Но дешевле не могу, не положено. И плюс бесплатный подарок, только для Вас – избавлю от почтенной дамы.

И время визита, и бредовый разговор, да и сам визитер совершенно выпадали из реалий обыденной жизни. У меня мелькнула совсем уж безумная мысль. Но не может быть! Я стал вспоминать известные описания – мой гость не походил ни на вальяжного Воланда, ни на печального духа изгнания, ни на насмешливого гения зла, вызванного доктором Фаустом, слишком уж был затрапезен.

– Можете не давать ответ сразу, я понимаю, дело серьезное. Подумать надо, обмозговать, как говорится. Если Вас смущает договор о купле-продаже, можно оформить в совместное владение. Только, – лицо его понемногу принимало прежний облик, и глаза поблескивали уже стальным блеском, – ни с кем не советуйтесь, плохо советы эти кончиться могут. И с ответом особенно не тяните. Все имеет свой срок.

Подхватив трость и цилиндр, он заспешил к дверям. Я за чем-то пошел следом. Он двигался быстро, и когда я вышел

из пропахшего кошками подъезда, его фигура маячила уже где-то вдалеке на пустынной улице, и в тумане вступающего в свои права пасмурного дня мне показалось, что на нем и не сюртук вовсе, а короткий плащ, и из подмышки торчит не трость, а шпага. Непонятный головной убор, который он на ходу нахлобучил на голову, теперь смотрелся мятым беретом.

xxx

Вернувшись, я первым делом сварил еще кофе, налил его в большую кружку и закурил. Обычно я поступал так, когда возникала необходимость сосредоточиться и что-то обдумать. Но и сегодняшний утренний визит, и весь разговор представлялись совершенно бредовыми, а потому для обдумывания затруднительными, и я пребывал в полной растерянности. Мысли, роящиеся в голове, казались мало того, что странными, но и просто невероятными, и самой невероятной была – неужели все-таки мой ранний визитер и есть тот самый персонаж? Но тот появляется в произведениях великих, менее великих и вовсе не великих как некий символ, а на самом деле его нет и быть не может, потому что не может быть никогда. Не случайно он так многолик, авторское, так сказать, видение. Его придумывали, как я придумал своего героя, физика-теоретика, влюбленного в юную фотомоделю, развитию чьего романа так мешала старая дама. А тут вдруг

звонок в дверь, и – нате вам! Ерунда какая-то.

Но если его нет, то кто сидел полчаса назад на угловом диване и пил кофе? Грязная чашка-то осталась на том же месте! Значит, я должен поверить, что он материализовался в спальном районе нашего довольно крупного города, в панельной пятиэтажке в десять утра? С какого такого испуга? Ему следовало бы в полночь выйти из-за полка со старинными книгами, на страницах которых хранились тайны изготовления редчайших ядов, и отразиться в помутневших от времени зеркалах, мешаясь с фамильными портретами владельцев замка. Я еще понимаю, если бы он возник в просторном холле загородного коттеджа на шести сотках, украшенного высокими башнями, где лунный свет, проникая через стрельчатые окна, ложится на драгоценный афганский ковер ручной работы, привезенный хозяином из последней турпоездки... Все более подходящий антураж!

А моя скромная персона зачем ему понадобилась? Есть и попримечательнее фигуры! И все он, видите ли, про меня знает! И одинок я, и несчастен, и болен. Правда, удача последнее время меня действительно не преследовала. Да и болезнь в наличии имелась – проклятушая язва двенадцатиперстной кишки, которую, когда особенно доставала, я подозревал в чем-то еще худшем. Кстати, что он имел в виду под совместным владением? Разве можно владеть совместно тем, на что он намекал? Да и покупка должна переходить новому владельцу когда-то потом, понятно, когда, а если сей-

час, то какой дурак на это согласится, так ведь и вознаграждением воспользоваться не успеешь!

Нет, это, конечно же, был актер и мой приятель Валентин Журавлев, нос он приклеил, у них в гримерной носов полно, да и парик не проблема, таких лысин в жизни не бывает, диккенсовская какая-то лысина. Но с другой стороны, образ-то он создать может, но вот разговор тонко построить, это вряд ли. Хотя если предположить, что это отрывок из какой-то его новой роли... Эта мысль меня успокоила, и я решил на ней остановиться.

Почувствовав усталость, я перешел в комнату, прилег на диван и понемногу задремал. И приснилось мне что-то совсем уж несусветное. Приснился мне Валька, изображающий маленьких лебедей, и его было несколько. То есть танцевали несколько балерин с лицом Вальки и его телосложением. А он, хоть и не богатырь, но ноги у него волосатые, да и плечи отнюдь не женского покроя. Так что выходило очень даже забавно.

Проснулся я от собственного смеха. Утренний визит ушел куда-то далеко, и не очень понятно, действительно он имел место, или пригрезился перед тем, как я окончательно заснул. Во всяком случае, яркая картинка Валькиных лебединых шалостей его заслонила.

Для работы сегодняшней день был потерян, и я стал думать, чем себя занять. Я понял, что не против немного выпить и хорошо пообедать, а заодно позавтракать и поужи-

нать, но для этого нужна была такая небольшая малость, как деньги, а их-то как раз сейчас у меня не было.

До того, как я открыл в себе литературный талант и решил не зарывать его в землю, я работал в рекламном агентстве, числился старшим редактором и имел дело с авторами, распределяя между ними заказы, если нужно, правил, а иногда и переделывал сценарии, организовывал съемки и являлся той самой последней инстанцией, которая принимает готовую продукцию. Оплачивалось это вполне прилично, известно, что все, кто работает в рекламе, зарабатывают хорошо. Хоть я и не умею экономить, за три года я набрал денег на дешевую однокомнатную клетушку с совмещенным санузлом в панельном доме спального района, обеспечивающую независимость от родителей с их оставшейся от прежних времен четырехкомнатной обкомовской хатой, все удобства и приятности которой не компенсировали постоянных упреков в безалаберном образе жизни.

Пока я работал в агентстве, меня постоянно окружала толпа приятелей – сценаристов и актеров, благодарных за то, что давал им заработать. Из этого следовали бесконечные подарочные бутылки, которые вместе и распивались, приглашения в рестораны и ночные клубы. Тогда я познакомился и с Валентином Журавлевым, который время от времени снимался в наших роликах. Он-то и сбил меня с толку. Как-то я показал ему несколько своих рассказов, я писал просто так, для себя, когда было настроение. Ему понравилось. Про

два из них он сказал, что это готовые пьесы, которые надо лишь перевести в диалог, что есть и действие, и характеры сделать по ярче.

Разговор, изменивший мою жизнь, произошел за несколько дней до Нового года. Мы сидели на кухне, и стоявшая между нами бутылка подходила к концу. Наверное, как всякий тайный графоман, в глубине души графоманом себя не считающий, я чувствовал потребность хотя бы в одном читателе. А Валька подходил на эту роль лучше других – он относился к редкому типу людей, которым мучительно сделать больно другому. В любом случае он нашел бы какие-нибудь слова, смягчающие удар, и мне легче было бы перенести разочарование. А я бы уж как-то истолковал их – я относился к себе достаточно нежно и в собственную бездарность всерьез не верил.

Не зная, как начать разговор, я посмотрел на почти пустую бутылку. В холодильнике лежала еще одна, но об этом знал только я. Разливая остатки, я сказал:

– Пожалуй, надо бы продолжить. Погода способствует, да и настроение соответствует. Я сбегая в магазир?

– А, может, хватит? – приятель с удивлением посмотрел на меня, сморщив короткий нос, отчего очки его слегка приподнялись. Ни он, ни я не отличались неудержимой склонностью к алкоголю. – Да и морозец крепчает, выходить неохота.

– У тебя что, поутру репетиция?

– Да нет.

– Тогда в чем вопрос? Я с удовольствием пробежусь по морозу. А ты пока посмотри кое-что. – Я протянул ему тонкую папку.

– Что это?

– Увидишь!

Купив бутылку и погуляв полчаса вокруг дома, я, окончательно промерзший, не раздеваясь, ввалился на кухню. Валька дочитывал последнюю страницу.

– А знаешь, здорово! – сказал он, поднимая глаза и морща нос. – Тебе надо бросать рекламную фигню и заниматься именно этим. Нет, честное слово! – И он произнес ту самую сакраментальную фразу о том, что два рассказа – почти готовые пьесы. Я понял, что Валька говорит искренне, к тому же поверить очень хотелось. Настроение стало подниматься и достигло праздничного градуса, я вспомнил, что приближается Новый год, заметил причудливые ледяные узоры на окне, искрящиеся в свете уличного фонаря, почувствовал запах елки, которого не было и быть не могло, потому что не было никакого намека на елку, и пожалел, что не сообразил купить мандаринов. Мы выпили по рюмке за будущего писателя, который начинался сегодня вечером на моей кухне.

Мне не хватало именно этого небольшого толчка, чтобы начать новую жизнь. Наверное, внутренне я был к этому готов к такому повороту – я вступал в возраст, в котором некоторые великие уходили из жизни, чтобы войти в школьные

учебники. Посещавшая меня порой мысль, что зря растрачиваются лучшие годы, начинала переходила в уверенность. Я был честолюбив, и не хотел покинуть этот мир, не оставив в нем своего следа. Если бы я знал тогда, на какую стезю я ступаю, я бы сто раз подумал. И все равно, скорее всего, ступил.

Однажды утром, находясь в приятном состоянии между сном и явью, когда понимаешь, что сон уже ушел, но можно еще немного поваляться, лениво перескакивая с мысли на мысль, я вдруг придумал начало повести. Даже не придумал, а увидел. А увидел я человека в номере маленькой гостиницы. Он сидел у распахнутого окна, недавно закончился дождь, на вечернем небе, сквозь расплывающиеся, как акварель на плохой бумаге, облака уже просвечивали звезды. Остро пахло свежей листвой и морем, значит, город был приморский, под окном, совсем близко проходили люди, доносились обрывки разговоров и короткий смех, и вспыхивали огоньки сигарет. Чтобы оказаться в этом городке, в этой гостинице, человек летел на самолете, а потом долго трясся в автобусе, оставив в большом городе узел туго переплетенных проблем, который он должен был развязать, и он был уверен, что разрешение могло придти только здесь...

Я быстро встал, и пока умывался и заваривал кофе, действие продолжало развиваться и обрастать подробностями. Решив, что я могу отложить намеченные на утро дела, я сел за компьютер и легко написал пару страниц. Но дальней-

шие дела откладывать было невозможно. С трудом оторвавшись от компьютера, я уже понимал, что будет происходить, по крайней мере, на пяти ближайших страницах и знал примерно, чем должна закончиться повесть.

Через некоторое время я уволился из агентства, договорившись, что останусь в числе постоянных авторов. Теперь было достаточно времени, чтобы писать. Но вскоре стало понятно, что это много труднее, чем представлялось вначале. Иногда мне казалось, что я поднимаюсь на высоченную гору, продираясь сквозь терновник, рискуя сорваться в пропасть. Зато порой я бежал по счастливой дороге, пригреваемый солнцем и окруженный пением птиц. Но до вершины было еще очень и очень далеко, и часто приходилось возвращаться назад, потому что пока я писал, я узнавал про своих героев многое, о чем вначале и не догадывался, и начало приходилось переделывать.

Теперь ни на что другое у меня почти не оставалось времени. Я стал раздражаться на отвлекающие от работы звонки, с большинством приятелей почти раззнакомился, да и они потеряли ко мне интерес с тех пор, как я перестал быть для них редактором, работодателем и собутыльником. К счастью, великая любовь обходила меня стороной, я не встретил женщины, на которой хотел бы жениться, а временные подружки возникали и исчезали, не отнимая много времени и не оставляя в сердце следа.

С публикациями мне не везло. Я не ждал быстрого успеха,

понимая, что так не бывает, но хронические неудачи, продолжавшиеся уже более двух лет, раздражали, временами я ощущал в себе мизантропа, копящего обиды на мир и людей, А обиды начинающий и никому не известный автор собирает корзинами, как опята в сезон. Рассказы, которые я посылал в журналы, оставались без внимания, я предполагал, что их просто никто не читал. Редактор издательства, куда я самолично завез повесть, сообщил, что с нераскрытыми авторами они стараются дел не иметь, это коммерчески себя не оправдывает, но все-таки рукопись предложил оставить, а через две недели выяснилось, что он ее потерял. Я поторопился предложить, что привезу другой экземпляр. В ответ услышал небрежное: «Завезите при случае, если меня не будет, оставьте у секретаря». Разговор был телефонный, а по телефону такие слова произносятся легко.

По мере накапливания неудач, менялось и отношение окружающих. Люди, которые еще недавно были приветливы, и даже чрезмерно, теперь на ходу бросали: «Как дела?» и торопливо пробегали мимо, словно опасаясь, что я действительно начну рассказывать о своих делах.

В последнее время у меня появилась еще и своеобразная мания – я стал бояться, что умру раньше, чем добьюсь признания, и это сделает мои усилия и жертвы бесполезными. В такие минуты хотелось за неимением камина выбросить все написанное в мусоропровод и вернуться к прежней беззаботной жизни, но отказаться от того счастья и тех

мук, которые я испытывал, пробираясь через тернии сюжета и роясь в грудах слов, чтобы найти наиболее адекватные моим мыслям и ощущениям, я уже не мог. По сравнению с этим, участь редактора рекламного агентства казалась жалкой и скучной, как позавчерашний хлеб. К тому же, несмотря на все обиды и сомнения, я был уверен, что рано или поздно моя звезда выведет меня к сияющим вершинам успеха.

На жизнь я зарабатывал тем, что продолжал время от времени сочинять рекламные сценарии. Правда, с новым редактором, пришедшим на мое место, приходилось делиться, отдавая ему половину гонорара. Я не спорил, хотя мне в свое время такое и в голову не приходило, но времена меняются. Тех денег, что я получал за сценарий, хватало на месяц, а то и больше безбедной жизни. К сожалению, заказы не были регулярными – то сразу три привалит, а потом долгое время ни одного. Сейчас как раз было то самое долгое время.

Между тем голод все настойчивее давал о себе знать. В холодильнике и заглядывать было бесполезно, последние два яйца я доел вчера вечером. Знал я, правда, одно место, где и накормят, и обогреют, а если повезет, то и рюмку нальют – отчий дом. Но для этого предстояло одеваться, ехать на трамвае, а потом и на автобусе на другой конец города, а проделывать это все было лень. Главное же, эти ужины обычно сопровождались вопросами, отвечать на которые не хотелось, и просто было затруднительно, и намеками на то, что пора, наконец, бросать графоманствовать и при-

ниматься за какое-нибудь серьезное дело. В пример ставились мой одноклассник Володя Бордин, который создал свою компьютерную фирму, или Оля Носова, работающая в престижной турфирме. Я ничего не имел ни против Володи, ни против Оли, но мое писательское самолюбие, и без того исколотое неудачами, страдало, тем более что возразить было нечего. За три года мне удалось напечатать всего два рассказа во второстепенных журналах, в издательстве без движения лежала повесть, в театре, куда я отнес пьесу, никак не удосуживались ее прочитать. Я пытался утешить себя тем, что такова судьба многих великих, чьи автографы после смерти стоят сотни тысячи, но утешение было слабым, потому что после смерти тот бифштекс, которого мне хотелось сегодня, терял всякий смысл, и это наводило на мысль о несовершенстве мироздания.

Вспомнив утреннего гостя и снова ощутив реальность его визита, я подумал: «А ведь ничего конкретного не предлагал, стервец. Интересно, что он подразумевал, говоря о благосостоянии? Может быть, на благосостояние стоило бы и согласиться, а то вдруг заказов больше не будет? Но о чем я думаю, ведь я уже решил, что не было его, морок это, или сон. Ладно, надо собираться и ехать. Мама попилит-попилит, но накормит, и денег, наверное, даст».

Но судьба не назначила мне в тот вечер повидать родителей. Я уже переоделся и завязывал шнурки на ботинках, когда позвонила Дашка.

– Привет, – сказала она тонким от волнения голосом. – У меня забойные новости. Я тут недалеко от тебя обретаюсь. Может, выйдешь?

– Постоим у калитки? Не могу, спина опять болит, – сам удивляясь, почему именно спина и почему опять, соврал я. – Может, лучше ты зайдешь? Кстати, купи что-нибудь поесть. И бутылку, водка боль хорошо снимает. Дверь закрывать не буду. Деньги на той неделе отдам, когда за сценарий получу.

– Забей, блин, на деньги. Я мигом.

Быстро переодевшись в домашние джинсы и толстовку, я прилег на диван. Минут через двадцать на пороге появилось довольно хорошенькое белокурое восемнадцатилетнее существо, одетое в высоченные сапоги, крошечную юбочку и куртку до пояса. Я взял из ее рук пакет и попробовал на вес. Судя по тяжести, ужин нам предстоял приличный.

Снимая куртку, Дашка рассказывала:

– Представляешь, захожу я сегодня к Лидии с почтой, реально, а у нее в кабинете сам Анатолий Петрович гужуется, и толковище идет о твоей пьесе. Типа круто, правда?

«Типа круто» – это выше моего понимания, но начало рассказа предвещало, возможно, любопытное продолжение, и я не стал ее тормозить.

– Короче. Он спрашивает, почему она не дала ему до сих пор прочитать пьесу этого, как его, так и сказал, блин, Александра Травина. А она отвечает: «не думаю, чтобы она Вас заинтересовала», в том смысле, что забейте, мол, не нее. – Дашка сделала театральную паузу.

– Ну и что?

– А он говорит, хочу, мол, посмотреть, и все тут, мне говорили, что из нее что-то можно сделать. Она пожала плечами, достала из стола и отдала.

– И все?

– Ну да. Он упадет на твою пьесу, сто пудов!

Я представил, как известный в нашем городе режиссер, респектабельный Анатолий Петрович Замыслов, раздувшись до необъятных размеров, падает на мою пьесу и развеселился.

То, что рассказала Дашка, еще ничего не значило, прочитать не значит принять, но все-таки что-то сдвинулось с места. Появилась надежда – верный спутник неудачников. И я уже представлял себе, как, приехав в отчий дом, небрежно скажу, как бы между прочим, выбрав удобный момент: «Да, кстати, мою пьесу ставят. Конечно, сам Анатолий Петрович».

В театр меня привел все тот же Валька Журавлев, решивший взять надо мной по мере своих скромных возможностей шефство. Он же познакомил с Главным режиссером Анатолием Петровичем Замысловым, которого за глаза все назы-

вали «Сам», зав. литчастью Лидией Сицкой, 30-летней чрезвычайно привлекательной женщиной и с Дашкой, которая работала кем-то вроде секретаря или курьера. «Сам» и Лидия, скорее всего, не очень даже и запомнили, что Валька нас знакомил, тем более что Валька был в театре отнюдь не на первых ролях. Но я решил, что это знакомство дает мне право через несколько дней позвонить в литчасть и предложить пьесу – все-таки не с улицы человек пришел.

От природы я не так уж и застенчив, но с тех пор, как стал писать, у меня сложился еще один неприятный комплекс. Когда я отдаю свое произведение кому-то, от кого зависит его судьба, оно вдруг начинает казаться мне глуповатым и даже стыдным, и только усилием воли я заставляю себя не убежать в последний момент. На моем лице появляется противное собачье выражение, видеть которое я, естественно, не могу, но ощущаю, отчего становлюсь еще более неловким. Когда такое существо приносит пьесу, и, заикаясь, не может толком объяснить, о чем она, ее засовывают в самый дальний ящик и забывают. Судя по тому, что пьеса лежала у Сицкой уже почти полгода, так оно и случилось.

Валькины хлопоты имели и еще одно неожиданное последствие – в меня влюбилась Дашка. Не думаю, чтобы в меня нельзя влюбиться. Располагая довольно приятной наружностью, я могу быть и легким, и остроумным с людьми, от которых не завишу и в тех случаях, когда в настроении. Наверное, Дашка увидела меня именно в этой ипостаси. И к то-

му же напридумывала что-нибудь вроде непризнанного гения, который рано или поздно будет признан, в чем ей обязательно предстоит сыграть важную роль.

Но как объект для любви я ей совершенно не подхожу. Я старше лет на пятнадцать, то есть почти вдвое, но ничего не могу ей дать по той простой причине, что у меня ничего нет. Я не могу ни обустроить ее жизнь, ни помочь ей устроиться в жизни самой. И на роль Пигмалиона я не гожусь, а в Пигмалионе Дашка, год назад приехавшая из Козельска, путавшая ударения и считавшая хорошим тоном современный тинейджеровский сленг, ой как нуждалась. К тому же я боялся шквала ее любви и не знал, что с ним делать. Но Дашка постоянно звонила, находила поводы для встреч и раздражала меня томным, с поволокой взглядом.

Мы сидели напротив друг друга в моей маленькой обшарпанной кухне. Я пил водку, закусывая маринованными огурчиками и бутербродами с любительской колбасой. Дашка тоже выпила пару рюмок, глаза ее заблестели.

– Сашенька, хочешь, я завтра приду утром и уберусь у тебя в квартире? – спросила она.

– Не надо, – довольно резко ответил я. Я не люблю, когда мне делают одолжения, тем более, когда их делают женщины. Им сразу начинает казаться, что они получают какие-то права на меня. Сегодня я впервые за год знакомства о чем-то попросил Дашку, если не считать того случая, когда мне надо было выяснить, на месте ли Сицкая, и, пожалуйста –

уже она убираться хочет, а потом белье постирать надумает, а там, глядишь, и замуж намылится...

Дашка обижено протянула:

– Как хочешь... Только отстойно уж больно у тебя. Окна бы помыть, и плиту, и пыль с книг вытереть.

– Не переживай. Главное, чтобы помыслы были чисты.

– Это как?

– Ну, например, чтобы не лелеять тайной мысли соблазнить тебя...

Дашка покраснела до корней волос, а услужливая память опять вызвала образ утреннего визитера, и я подумал, что если бы заключил с ним соглашение, пришлось бы совращать Дашку, никого более подходящего на роль соблазненной девицы в своем окружении я не видел. Я был уверен, что Дашка, несмотря на легкомысленный камуфляж, действительно девица в прямом и изначальном смысле этого слова, и ее соблазнение может обернуться тем, что как честный человек я должен буду на ней жениться, а жениться на ней мне совсем не хотелось. Да и мысль о соблазнении не зажигала. Я бы соблазнил, и с превеликой радостью, но другую. Не знаю, какой Пигмалион над ней поработал, или это была сама природа, но она являла собой нечто, близкое к совершенству, и, в отличие от Дашкиных, несколько тусклых и выражающих лишь примитивные эмоции глаз, зеленоватые ее глаза искрились весельем и туманились печалью, от серьезности переходили к легкой насмешке, а в меру строгая одежда только

подчеркивала изящество фигуры. Но та, другая, была мне недоступна. Количество окружавших ее мужчин значительно превышало среднестатистическое. В ее кабинете всегда стояли роскошные букеты, а перед кабинетом крутилось авторы, актеры и поклонники, причем и авторам, и актерам ничто не мешало быть и поклонниками тоже. Не знаю, пользовался ли кто-нибудь ее особым расположением, но моей скромной особе в этой пестрой толпе явно делать было нечего. А звали ее Лидия Сицкая, для меня и других малых сих Лидия Степановна.

...Колбаса была съедена и водка допита. Вечер с Дашкой пора было завершать, тем более что и язва моя после водки и маринованных огурчиков начинала напоминать о себе, и мне все больше хотелось выпить таблетку и прилечь, свернувшись калачиком. Но как распрощаться с начинающей утомлять гостьей, я не знал. Тут очень кстати зазвонил телефон. Я снял трубку. Спрашивали какого-то Василия Кузьмича.

– Это серьезный разговор, – ответил я невидимому собеседнику. – Так сразу и необразишь.

На другом конце провода удивленно молчали.

– Я должен все обдумать, Василий Кузьмич, и к тому же у меня сейчас люди. Я перезвоню через некоторое время.

– Кто это? – спросила Дашка, когда я повесил трубку.

– Ах, это? Из издательства. Главный редактор. Предлагает дописать к повести еще пару глав. Утром я должен дать

ответ.

– Значит, тебе надо работать, да? Так я пошла? – покорно спросила Дашка, вставая. Она, чистая душа, свято верила мне и даже не спросила, почему это редактор, да еще главный, звонит домой в такое неурочное время – часы показывали половину одиннадцатого.

– Да, девочка, иди, тут серьезные дела. – Желание остаться наедине с собой возобладало над укорами совести. Чувствуя себя последней свиньей, я проводил ее до дверей.

xxx

Утром мне действительно позвонил редактор, но не из издательства, а из агентства и сказал, что есть два заказа на рекламу.

– Заедешь за проспектами, или продиктовать?

– Диктуй!

Записывая на клочке бумаги исходные данные, я думал о том, что теперь могу с чистой совестью перехватить у соседки Анны Ивановны на несколько дней пару сотен. Удивительно, как экономно умеют жить эти старушки! Пенсия крошечная, а в загашнике всегда что-то есть. Правда, и тратила она копейки. Иногда она просила меня купить кое-что по дороге. Это кое-что состояло из батона, пакета молока и 150 грамм колбасы подешевле.

Все, что принесла вчера Дашка, мы с ней вчера и съели,

к тому же у меня кончался кофе, а без него работать я не мог. Заняв у Анны Ивановны денег, я сбежал в магазин, сварил свой любимый ароматный напиток и сел за компьютер.

Можно, конечно, сколько угодно говорить, что сочинение рекламных сценариев – дело плевое, я обычно так и говорю. Но для того, чтобы придумать что-то более или менее складное и привлекательное для потенциального покупателя про очередной шампунь против перхоти или подгузники, придется выворачивать мозги наизнанку. Тем более что сказано уже все про все. И еще солган надо изобрести – короткую запоминающуюся заключительную фразу, которая сразу же всплывала бы в мозгу покупателя, когда он наткнется в магазине на соответствующий товар. Иногда я мучался несколько дней, прежде чем удавалось сочинить нечто удобоваримое. У меня были свои методы раскачать воображение. Я вывел на экран компьютера пасьянс и, чередуя его с валянием на диване, кофе, сигаретами, телефонными разговорами с Дашкой ни о чем, что было расплатой за давешнюю колбасу и водку, дня через три придумал первый сценарий. Второй сложился сам собой – так тоже, если повезет, бывает. В тот же день я отвез оба сценария в агентство и, расписавшись в ведомости, получил в конверте деньги – сумму, вдвое меньшую той, за которую я расписался.

Занимаясь сценариями, я все время помнил, что в театре читают мою пьесу. Иногда от этой мысли по спине пробегал холодок. Было всего два возможных варианта – либо

моя пьеса понравится, и тогда мне позвонят, хотелось, чтобы позвонила Лидия, или не позвонят, и это будет значить, что пьеса не понравилась. Более вероятным казался вариант второй. Но я волновался, что не позвонить могут еще и потому, что потерялся мой телефон. Или звонили, а я был в ванной и не услышал, или... мало ли что еще или! Каждый раз, когда раздавался звонок, я жадно хватал трубку. И слышал Дашкин голос. Но однажды именно он принес мне желанную весть.

– Александр Леонидович, это Вас беспокоят из театра. – Официальный тон означал, что рядом кто-то есть. – Анатолий Петрович хотел бы с Вами встретиться. Он ждет Вас завтра в 2 часа.

xxx

Театр, в котором работал Валентин, и куда я отнес пьесу, назывался «Экспериментальный театр «Замысел», очевидно, с намеком на фамилию Главного режиссера. Здесь ставили все – от «Гамлета» до мюзиклов. На сегодняшний день он был самым модным и самым посещаемым в городе, а сам Анатолий Петрович постоянно мелькал на телеэкранах, и уж раз в неделю какая-нибудь из городских, а то и региональных газет помещала интервью с ним. И почти в каждом интервью режиссер жаловался, что не хватает новых пьес и новых имен, хотя на самом деле авторы разных сортов, мастей

и возрастов постоянно обивали порог театра. Но произведения их он вряд ли читал – не хватало времени, да и не верил в глубине души Анатолий Петрович в то, что в нашем городе может появиться приличный драматург. Тем удивительнее, что он прочитал мою пьесу и вызвал автора для беседы. Я, как говорится, летел на крыльях надежды и уже представлял себе, как после премьеры проснусь знаменитым.

В фойе меня встретила все та же Дашка.

– Сам на репетиции, – сказала она, – там все уже на финише. Реально, пойдем в зал, а то можно к Лидии, она тоже хотела с тобой что-то перетереть.

Я выбрал Лидию, и не только потому, что перспектива провести с ней некоторое время отнюдь не казалась мне неприятной. Предварительная беседа могла помочь хоть как-то сориентироваться и подготовиться к встрече с Самим.

В маленьком кабинете места хватало только на письменный стол, два кресла и тумбочку, на которой стоял букет темно-красных, почти черных роз.

Их аромат мешался с тонким запахом дорогих духов.

Сидевшая за столом очаровательная деловая женщина мило улыбнулась. К моему удивлению, она помнила, как меня зовут. Но я быстро сообразил, что ободряюсь понапрасну, помнила вряд ли, скорее посмотрела на титульном листе, передавая мое произведение Замыслову. Но все равно было приятно услышать:

– Александр Леонидович, проходите, пожалуйста, сяди-

теть. – Она показала холеной рукой на кресло, – Даша, принеси нам кофе и можешь быть свободна.

Дашка, непонятно почему вбившая себе в голову, что ей удастся присутствовать при нашем с Лидией разговоре, обижено дернула плечом и вышла. Судя по тому, что она вернулась через две минуты с двумя чашками и сахарницей на подносе, кофе был растворимый, и готовила она его где-то в соседней комнате. Растворимый я не люблю, вернее, меньше люблю, но сейчас было не до того.

– Анатолий Петрович просил извиниться, он задерживается на репетиции, – говорила между тем Лидия, – но я тоже читала Вашу пьесу. Даша, спасибо, можешь идти. Вы, наверное, знаете, мы стараемся привлекать молодых авторов, нам нужны новые имена. Ваша пьеса нас заинтересовала. Конечно, не все получается сразу, но есть материал, с которым можно работать.

На этот раз я не чувствовал скованности. В конце концов, меня пригласили, во мне заинтересованы. Вот и зеленоглазая дама, в легких каштановых волосах которой отливают золотом лучик осеннего солнца, говорит, что в пьесе что-то есть.

– Хотелось бы конкретнее, – я закинул ногу на ногу. – Простите, у Вас можно курить?

– Курите, и меня можете угостить. Я своих не держу, чтоб не соблазняться слишком часто, но после кофе – с удовольствием. – Она достала из стола пепельницу. А конкретнее

Вы будете говорить с Анатолием Петровичем. У него свои соображения.

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет быстрым шагом вошел Сам. Глаза его метали молнии, Подойдя вплотную к столу Лидии, он загромыхал:

– Черт его знает что! Журавлев сажает весь спектакль! Темперамент на нуле! А Ваша любимая Комкова? Тошная, как жердь, а двигается, как два слона!

Лидия спокойно посмотрела на него, из чего я сделал вывод, что подобные эскапады – вещь обычная, и сказала:

– Не преувеличивайте, Анатолий Петрович, репетиции ведь только начались, все притрется, все станет на свои места. А Вас, между прочим, гость дожидается.

Он повернулся и посмотрел на меня так, как смотрят на вдруг возникшую нежелательную помеху. Но через несколько секунд взгляд его стал осмысленным, он, очевидно вспомнил, что приглашал меня на это время. Я встал ему навстречу.

– Гость? Ах, да, конечно! Александр Иванович, кажется?

– С Вашего позволения, Леонидович.

– Извините великодушно. – Он пожал мне руку и сел во второе кресло, развернув его таким образом, чтобы оказаться напротив меня. Я решил, что стоять дальше нелепо и тоже сел.

– Речь идет о Вашей пьесе, не так ли? Давайте сразу о сути, не люблю ходить вокруг да около. Я, пожалуй, готов ее

поставить. Тем более что за Вас ходатайствовали. Но... – он сделал долгую паузу. – Одно дело текст, который читается дома в уютном кресле под торшером, а совсем другое – сцена. Действия не хватает, энергетики маловато, хотя есть магнетизм, есть характеры, но не всегда до конца прописаны. Впрочем, это дело поправимое.

– А кто ходатайствовал? – глупо спросил я. Он поморщился.

– Ну, вы сами должны знать. Большой человек. Но оставим это. Давайте договоримся так. Вы ходите на наши спектакли, на репетиции, поймите стилистику театра. А потом поработайте с Лидией Степановной, она человек опытный. Кстати, подумайте о роли для Василия Петровича, небольшой, чтобы по силам ему была, а то обижается старик – последнее он сказал, уже обращаясь к Сицкой. В ответ она лишь пожала плечами. Кто такой Василий Петрович я не знал, но решил, что это прояснится по ходу дела. А Замыслов продолжил, глядя уже на меня:

– Я думаю, через месяц мы сможем вернуться к этому разговору. Да, и еще. Надо бы поискать спонсора. Я со своей стороны тоже постараюсь кое-что предпринять.

Такой оборот разговора был совершенной неожиданностью, Я понимал, что Сам имеет для него основания – трудно предположить, что театр живет только на государственные дотации, их, скорее всего, кот наплакал. Но, разумеется, никакого спонсора у меня не было да и быть не могло. Но я

легкомысленно решил, что что-нибудь, да придумаю.

– А о каких деньгах идет речь?

– Примерно тысячах о десяти. Не рублей, конечно. Я попрошу коммерческого директора подготовить смету.

Лидия поставила подпись и печать на кусочке картона и протянула его мне.

– Это пропуск в театр. Приходите в любое время. Мой телефон Вы знаете.

Телефона я не знал, но решил, что спрошу у Дашки.

Я вышел от Сицкой порядком ошарашенный. В вестибюле меня догнала Дашка.

– Ну, как?

– В двух словах не расскажешь.

– Все будет в ажуре. Ему звонил кто-то от Губернатора.

Реально, я сама подзывала.

– И что говорил?

– Я слышала только, что Сам отвечал. Но он даже встал, блин, когда разговаривал.

Посмотрев на часы, она добавила:

– Мне надо бежать, блин. Сейчас он кофе захочет, а потом пошлет в буфет за бутербродами.

Очевидно, я все-таки нуждался сегодня в собеседнике, желательно в таком, который бы больше был слушателем, потому что неожиданно для себя сказал:

– Заходи вечером, поговорим.

– Заметано, часов в шесть, – обрадовалась Дашка. – Что-

нибудь купить?

– Не надо. Я сам.

Перед тем, как уйти из театра, я, решив, что надо перекусить, зашел в буфет. Мне не столько хотелось есть, сколько не хотелось уходить, в самой атмосфере театра было что-то завораживающее. По пути меня обогнал, даже не заметив, быстро и шумнодвигающийся Замыслов, погруженный во что-то свое. Буфет был почти пуст, только в углу сидели, тихонько перешептываясь, две молоденькие девушки, да у стойки бара стоял высокий, с выпирающими через пиджак лопатками, но все еще величественный старик. Выпив рюмку водки и отглотнув из стакана томатного сока, он повернулся, чтобы уйти, и мы с ним чуть не столкнулись. Из-под высоко поднятых бровей на меня смотрели выцветшие, ничего не выражающие глаза в сетке старческих морщин. Отшатнувшись и вытянув вперед обе руки, как бы отстраняя меня, а то вдруг окажусь слишком близко, он изумленно спросил:

– Кто это? Я Вас не знаю!

Я хотел, было, сообщить, что тоже его не знаю, но интуиция вовремя подсказала: это будет выглядеть, как если бы я стал есть в гостях руками, вероятно, не знать его было неприлично. Девушки в углу захихикали. Освобождая ему дорогу к дверям, я молча отступил в сторону.

Расплачиваясь за чашку жидкого кофе и подсохший бутерброд, я не удержался и спросил у буфетчицы о высоком

старике.

– Не знаете? – удивилась она. – Это же Василий Петрович Штешкин, живая легенда, старейший актер театра.

Так это для него надо придумать роль в пьесе! Но ничто подобное в мое произведение не вписывалось, среди героев не предусматривалось людей его возраста. Это было похуже благообразной пожилой дамы, преследовавшей меня в романе. Однако ничего не поделаешь, что-то придется выдумывать.

Не успел я расположиться за столиком, как ко мне подсел Валька. Полное уныние на его обычно оживленном и добродушном лице было, вероятно, результатом недавнего разговора с режиссером. Порывшись в карманах и ничего там не обнаружив, он обратился ко мне:

– Возьми мне пару бутербродов и сто грамм, за мной не заржавеет.

– Пойдем, поможешь

Я взял сто грамм заодно и себе, и когда мы снова сели за стол, спросил:

– Что стряслось?

– Да понимаешь, впервые Сам пробует меня на главную роль, а я ее заваливаю. Вообще-то дело в том, что мы расходимся в трактовке образа. Ладно, давай!

Он выпил одним махом и откусил от бутерброда. Поставив стакан, он посмотрел на дно, вероятно, подумав, не повторить ли, но решил, что не стоит.

– А Замыслов действительно гениальный режиссер, или это миф?

– Гениальный, и еще как! Только упрямый очень, если что в голову вобрал, с места не свернешь. Другие, может, не такие гениальные, но тоже имеют право на свое прочтение.

Мне не хотелось вникать в ситуацию, мысли были заняты собственными делами, и я спросил:

– Но, может, не прав ты?

Валька задумался, наморщив нос.

– Может, только я ведь тоже упрямый.

Я с удивлением посмотрел на приятеля, мне он никогда не казался упрямым, скорее, наоборот, слишком мягким.

– И что ты собираешься делать?

– Не знаю. Попробую убедить. Или найти компромисс, хотя не хочется. Впрочем, это не важно, он скорее всего снимет меня с роли. А может быть на репетициях делать, как он говорит, а потом на премьере сыграть по-своему? – В глазах у Вальки сверкнул огонек. – Но выгонит ведь! – Он встал и снова порылся в карманах.

– У тебя не найдется рублей триста, а то нам зарплату задерживают, послезавтра обещали выдать.

Я достал деньги.

– Только ты не напивайся очень-то.

– Да какое, я сегодня занят в «Доходном месте».

Валька был явно не в форме, и ему хотелось общения. Надо бы посидеть с ним, выпить еще по пятьдесят и хотя бы

выслушать его, а я даже не поинтересовался, о какой роли идет речь. Оправдав себя обилием собственных проблем, я попрощался с приятелем и тут же забыл о нем.

xxx

По дороге домой я зашел в магазин, купил шампанского, а потом подумал, и купил водки, все-таки как-никак, а было что отметить. Еды я тоже купил, даже икры и конфет для Дашки. Когда у меня есть деньги, я становлюсь щедрым. Будь я богатым, наверняка дал бы денег на постановку пьесы талантливого, почти молодого автора. Но я богатым не был. И среди моих знакомых не водились ни олигархи, ни банкиры, ни нефтяные магнаты.

Интересно, кто все-таки звонил в театр? Я подозревал, что кто-то из старых приятелей моего папаши, больше просто некому. Отец когда-то работал в обкоме партии на высокой должности. Некоторым его бывшим сослуживцам удалось удачно вписаться в демократическую жизнь и продолжить карьеру уже под новым знаменем. Отцу не удалось, и он стал деканом философского факультета в пединституте. Но отношения поддерживались, иначе он и деканом бы не стал, тем более, что философом никогда не был, вряд ли его сделала таковым законченная в свое время Высшая партийная школа. А сейчас он попросил походатайствовать за сына-неудачника. И заодно выяснить, действительно ли этот сын графо-

ман, или все-таки подает какие-то надежды. Но если папаша нашел ходатая, может быть, найдет и спонсора?

Мобильный у меня был отключен за неуплату, и, едва войдя в дом, я бросился к телефону. Отец оказался на месте. Я был взвинчен и задал вопрос напрямик:

– Это с твоей подачи кто-то звонил в театр?

– В театр? А зачем? Что случилось?

– Какой-то высокопоставленный деятель звонил режиссеру и просил прочитать мою пьесу.

– И он прочитал? Ему понравилось?

– Да.

– Это не с моей подачи, я никого не просил. Ты бы заехал, рассказал, как дела, мама скучает.

– Заеду в субботу, – сказал я и повесил трубку.

Так кто же все-таки звонил? И что все это значило? Я с самого начала гнал от себя мысль, что все это каким-то образом связано с давешним утренним визитером, но она постоянно выплывала откуда-то из глубин подсознания. Мысль эта пугала, и в то же время делала реальными мои надежды.

Я сел на диван и начал вспоминать, что было в то утро. Ну, конечно же, я задремал на этом диване. И мне приснились два дурацких сна. Сначала про визитера, а потом про Вальку и лебедей. А недопитый кофе и звонки в дверь, а оставшаяся после гостя грязная чашка – это тоже было во сне, или все-таки наяву? Похоже, что наяву. Тогда, значит, кто-то приходил и с кем-то я говорил. Но никого другого я не помню.

Значит, приходил все-таки он. Что он там намекал про успех и улучшение благосостояния? Мысленно я уже видел свое имя на афише и слышал аплодисменты после премьерного спектакля, представлял речи в свою честь на банкете, сияющих гордостью родителей, многочисленные поздравительные звонки утром, и уже невозможно было от всего этого отказаться. И что-то подсказывало, что спонсор появится.

Но пока появилась только Дашка в полной боевой раскраске. Мы быстро накрыли на стол, и я разлил шампанское по бокалам. Сделав несколько глотков, Дашка отставила бокал. Она постоянно облизывала губы, что было у нее признаком волнения, ее руки с переливающимися всеми цветами радуги ногтями слегка дрожали. Хоть мы и договорились что-то обсудить, но обсуждать, собственно, было нечего, по поводу сегодняшней встречи в театре и предшествовавшего ей звонка все было сказано. Смешно думать, что она может помочь найти спонсора, а про визитера я ей рассказывать не собирался, как, впрочем, и никому другому. Мы молчали. Я долил Дашке шампанского и наполнил свой бокал.

Что-то между нами происходило. Я впервые смотрел на Дашку не только как на забавную девчонку, которая хоть и раздражает порой, но все-таки мне симпатична, а как на влюбленную женщину, которая хочет со мной близости. И женщина эта была достаточно привлекательна, хотя я отдавал себе отчет, что не люблю ее и никогда не полюблю.

Но если бы не мысль, что она девственница, и не боязнь последствий, я бы не без удовольствия провел с ней сегодняшнюю ночь.

– Даша, скажи мне честно, у тебя был кто-нибудь?

Дашка густо покраснела и опустила глаза, что совершенно не вязалось с ее обликом королевы провинциальных дискотек.

– Нет.

– Что, у вас в Козельске такие строгие нравы? – наверное, только в глубинке, а, может быть, в одном единственном Козельске в наш развращенный век возможно такое явление, как Дашка.

– Не знаю. Не нравился никто. Был один, женихом считался, но я за него не пойду.

– «Быть девой – быть во власти ночи,

Качаться на морских волнах» – продекламировал я.

– Это ты стихи сочинил?

– Нет, но его тоже Сашей звали. Ладно, давай еще выпьем шампанского, и потанцуем.

У меня слегка кружилась голова. Я чувствовал, что пьянею – сказывалось нервное напряжение сегодняшнего дня.

Я включил первую попавшуюся тихую музыку. Правда, танец наш больше походил на объятия. Меня тянуло на цитаты, и я произнес:

– «Ночью хочется звон свой
спрятать в мягкое, женское».

– Это тоже Саша написал?

– Нет, Володя.

– А...

Дашка была теплой, нежной, влюбленной, ее горячая щека прижималась к моей. Я нашел ее губы, или она нашла мои. Как-то само собой получилось, что, когда музыка закончилась, мы оказались на диване. Через некоторое время я сказал:

– Подожди, я постелю.

Пока я раздвигал и стелил диван, Дашка стояла, отвернувшись к окну. У меня мелькнула мысль, что я делаю то, что делать не надо. Но было уже поздно.

– Иди ко мне.

Она была трогательна в своей невинности и влюбленности, и я старался быть бережным и ласковым. А она, как заклинанье, повторяла мое имя.

Утром я не сразу вспомнил, почему Дашка с блаженной улыбкой на лице спит рядом со мной. Она открыла перепачканные в синей туши глаза, потянулась и произнесла: «супер!», потом, повернувшись ко мне, продолжила свою мысль:

– Улет! Теперь мы поженимся?

«Дура, – подумал я, – если бы ты спросила об этом вчера, ничего бы не было». Но вслух сказал:

– Давай вернемся к этому разговору позже, когда будет поставлена пьеса и выйдет повесть, тогда будет хоть какая-то

материальная база. За счет рекламных сценариев я семью не прокормлю.

Дашка вздохнула.

– А мне по барабану материальная база. Я тебя люблю. Но как хочешь, можно и подождать. Саша, а что, если после сегодняшней ночи будет ребенок? Тогда железно придется пожениться, сто пудов.

– Будем надеяться на лучшее, – не выдержал я, – так, чтобы с первого раза редко бывает, – и подумал, что уж теперь, если что-то подобное повториться, я приму все меры предосторожности.

xxx

Выданный Лидией пропуск означал, что я могу приходить в театр в любое время, и грех было этим не воспользоваться, тем более, что на некоторые спектакли не так уж просто было достать билеты, да и экономия при моем нынешнем финансовом положении не была лишней. В течение двух недель я ходил в театр ежевечернее, добросовестно проникаясь его стилистикой. Правда, сидеть приходилось на приставных стульях, но проникаться это не мешало.

Мне удалось попасть на долго ожидаемую всеми поклонниками «Замысла» премьеру новой постановки Гамлета, на которую даже с пропуском нелегко было пробиться. Я пристроился где-то в районе третьего ряда, у самой пра-

вой стены, и видел противоположную часть кулис, откуда, по большей части и выходили актеры. Но это не отвлекало, даже интересно было наблюдать секунды, предшествующие выходу на сцену: кто-то торопливо крестился, кто-то, пряча от бдительного ока пожарных, делал последнюю затяжку в кулак, прикрываясь полый плаща, или что-то шептал про себя, зажмурив глаза, актриса, играющая Офелию, торопливо засовывала в рот кусочки шоколада.

Первые сцены прошли безукоризненно. Все ждали появления Призрака. И, наконец, он появился, но не из-за кулис, а откуда-то ниоткуда, словно отделился от темных стен замка. Потянуло могильным холодом. Сцена почти полностью погрузилась во тьму, прожектор высвечивал только заржавелые латы и шлем с перьями. Призрак был высок и величественен, почти на целую голову выше сына. Зал замер. Гамлет в ужасе сделал несколько шагов назад. Выдержав минуту многозначительной паузы, Призрак загробным голосом произнес:

– Три и два – пять, и пять – десять. Сверх того двадцать четвертого легенький клистирчик, подготовительный и смягчительный, – Призрак остановился, понимая, что происходит что-то не то, и, помолчав, неуверенно продолжил, – чтобы размягчить, увлажнить и освежить утробу вашей милости... – Он потерянно замолчал.

Горацио и Марцелл, которым надлежало удалиться, и сам принц замерли и оторопело смотрели на Призрака. Посто-

яв немного, он понуро, тяжелой поступью, отступил за кулисы. Со своего места я видел, что за кулисами происходит какая-то жизнь, и довольно бурная, мелькнуло гневное лицо Замыслова, потом на сцену быстрым шагом вышел некто, тоже высокий и довольно громоздкий, закутанный в черное. Подойдя к Гамлету, он откинул руку в сторону и громко, произнес:

– Ну и времена настали! Даже среди призраков завелись шуты! Не принимай его всерьез, но вверься всей душой и выслушай отца. Я – твой отец.

Тут Гамлет должен был подать реплику, но он не мог произнести ни слова. Повернувшись к публике спиной, он делал вид, что его сотрясают рыдания. К этому времени он уже понял, что произошло. Призрака изображал Василий Петрович Стешкин. Последнее время старый актер стал туговат на ухо и забывал тексты. Специально для него были приобретены миниатюрные радионаушники, и текст он произносил по подсказке. Вообще-то в современном театре суфлер – профессия вымирающая, но Анатолий Петрович демонстративно придерживался традиций. А суфлер в этот вечер попался новый, молодой, и он перепутал страницы в папках с текстами. Поэтому Призрак и повторил за ним монолог из «Мнимого больного», который шел в тот же день на дневном спектакле.

– О, сын, останови рыдания и выслушай несчастного отца, – произнес новый Призрак, на ходу редактируя класси-

ка, после чего подошел к Гамлету и что-то тихо сказал ему. По-видимому, сказанное подействовало, Гамлет моментально пришел в себя. Как выяснилось потом, Замыслов, а вышедшего вновь Призрака изображал он, сказал: «Ржать перестань, иль премии лишу!»»

Дальше все пошло по Шекспиру в переводе Лозинского. Пастернаковский перевод Замыслов не признавал, считая, что в нем слишком много Пастернака в ущерб автору.

Спектакль был великолепен, но целиком углубиться в происходящее на сцене мне мешала мысль о том, какую роль, желательно с минимальным количеством слов, я могу придумать для старого актера в моей пьесе. Получалось, что никакую. По-видимому, трагикомическая сцена произвела впечатление не только на меня – время от времени в самых неподходящих местах по залу пробегало легкое похихатывание, кто-нибудь нет-нет, да и вспоминал про клистирчик.

Тем временем за кулисами разыгрывалась настоящая драма. Старый актер воспринял произошедшее как знак того, что его время окончательно закончилось и ему надо совсем уходить со сцены, а это было для него равносильно смерти, и, зайдя в гримерную, он упал в кресло и стал умирать. К счастью, помреж, проходя мимо, услышал хриплое дыхание, приоткрыл двери и, поняв, что происходит, вызвал скорую.

Зрители расходились, оживленно обсуждая спектакль и игру артистов, а также эпизод с клистирчиком, некоторые

считали его случайной ошибкой, которые нередко на премьерах, другие же утверждали, что это оригинальная придумка режиссера, несущая смысловую нагрузку. Худосочная девица во всем узком и черном толковала в этой связи своему изысканно одетому бритоголовому спутнику что-то про эстетику модернизма, на что он, то ли возражая ей, то ли продолжая ее мысль, восхищался смелостью режиссера, решившегося на внесение в ткань шекспировского текста элементов фарса, что заставляет переосмыслить всю знаменитую трагедию. О том, что происходило за кулисами, никто так и не узнал.

Участники спектакля и гости спустилась в буфет – после премьеры по традиции полагался банкет, и эту традицию ничто не могло нарушить. А я, сам не зная, зачем, зашел в пустую гримерную, откуда недавно увезли Стешкина. В комнате было темно, только из окна падал, отражаясь в зеркалах, голубоватый отсвет уличного фонаря, и в этом неживом, похожем на лунный свете я отчетливо увидел в глубине зеркала лицо старого актера. Мне стало не по себе, и я включил лампу над гримерным столом. Отражение не исчезло, но видоизменилось, как будто через знакомое лицо высветилось другое. Мне показалось, что кто-то стоит у меня за плечами, и я резко обернулся. Прямо напротив зеркала висел большой фотопортрет мужчины, отдаленно напоминавшего Стешкина, такие обычно вешают в фойе. Я присмотрелся. Если забыть про сетку морщин, складки и отечные припух-

лости, узнавался рисунок губ, разлет бровей. Но глаза – глаза совсем другие, не их я увидел несколько дней назад в буфете. Эти другие глаза улыбались, искрились жизнью, источали энергию. Лицо, с которого сняли маску, надетую временем. Ведущий актер театра, звезда, успех, поклонницы... Несколько часов назад я был свидетелем того, чем все кончается.

Сколько ему здесь? Тридцать? Тридцать пять? Скорее всего, примерно столько, сколько мне сейчас. Фотопортрет сделан, вероятно, лет сорок – пятьдесят назад. Значит, пройдет несколько десятилетий, а может быть, и меньше... а может быть, меня не станет еще раньше, я исчезну, не оставив следа... Золотой песок в часах времени падает только вниз. Но об этом лучше не думать. Это значит только одно – и успех, и слава нужны сейчас, любой ценой, и ничего нельзя откладывать на потом, потому что этого «потом» может не быть.

Мои мысли прервал звук открываемой двери. Я вздрогнул и обернулся. На пороге кто-то стоял. Лампа, включенная над гримерным столом освещала ограниченное пространство, и в дверном проеме угадывалась лишь высокая, темная, неподвижная фигура. На меня свет падал со спины, и пришелец тоже не мог видеть моего лица. Несколько минут мы молча пытались разглядеть друг друга, пока пришедший не сообразил включить верхний свет. Я с облегчением вздохнул.

– Господи, напугали! – Замыслов смотрел на меня удив-

ленно, как будто даже с упреком. Но через несколько секунд взгляд его смягчился, и он, тяжело вздохнув, прошел широким шагом в угол комнаты, бормоча: «На свете много есть, мой друг Горацио...» и опустился на прогнувшийся под ним старый диван.

– Как Вас сюда занесло?

Я ничего не ответил. Я сам не понимал, как меня сюда занесло.

– Вот так-то, – сказал он, помолчав, и снова тяжело вздохнул. – Да... «Дар напрасный, дар случайный...» – Он посмотрел на портрет. – Вся жизнь прошла в театре. А сегодняшние молодые, даже актеры, ничего о нем не знают, не хотят знать. Для них он просто забавный старик. Насмешничают. Да и за гробом только из приличия пойдут. – Он снова помолчал. – А ведь какой актер был, какой актер! Не было случая, чтобы спектакли с его участием не собирали аншлага. Он немногий из тех, великих, кто еще остался. Сейчас таких уже не делают. Каждый – легенда...

Замыслов и сам как будто постарел лет на десять. Сгорбленные плечи, опущенная голова. А слова, как из старой мелодрамы. Играет? Да нет, пожалуй, искренен. Да и чего ему играть передо мной! Я подумал, что ему осталось намного меньше, чем мне, но и успел он несравненно больше, хотя самому, небось, все равно мало. Наверное, мечтал о столицах, но не сложилось. Мечтал о всемирной славе... А все-таки он несколько банален, но это его суть, а, может, и залог успеха.

«Чтобы от истины ходячей всем стало больно и светло»...

Мне показалось, что в глазах великого режиссера блеснули слезы. Так любил старого актера, или подумал, что недалек тот час, когда и ему возвращаться с ярмарки?

– А Вы идите, Саша, – он впервые назвал меня по имени. – Спасибо, что думали о Василии Петровиче, Вы ведь поэтому сюда пришли. А я посижу еще, повспоминаю дни ушедшие. Да, может быть, и напрасный, и случайный, но все-таки дар...

Вопреки всеобщим опасениям, Стешкин три недели пролежал в больнице с диагнозом «острая сердечная недостаточность», после чего вернулся к своим ролям, убеждаемый окружающими, что он совершенно необходим театру. Суфлер получил выговор и прозвище «Клистирчик». Но Призрака старый актер больше не играл, возможно, из суеверия. На эту роль был назначен Валька, что привело его в полное уныние. Роль эпизодическая, особого актерского мастерства не требует, и Валька счел это наказанием за строптивость. Думаю, на самом деле Замыслов просто затыкал дыру.

Валька ходил мрачный, обиженный на весь мир, и мне было жаль приятеля, наверное, надо было бы объяснить ему открытым текстом, что удача приходит, и то не сразу, к тем, кто талантлив, по собственному опыту знаю. У Вальки были кое-какие способности, но не более того, и если бы он отдавал себе в этом отчет, не было бы всех этих бурь в стакане воды, гораздо лучше, если человек знает свой потолок. Но на ду-

шеспасительные беседы у меня не хватало ни сил, ни желания. К тому же я не знал, сколько времени отпустила мне судьба, и сейчас, когда я схватил, наконец, удачу за хвост, я не мог тратить его направо и налево.

xxx

– Как дела? – спросила Лидия, откинувшись в кресле и затягиваясь предложенной мной сигаретой. На столе перед ней лежала моя пьеса, и она время от времени перелистывала страницы, так просматривают обычно хорошо знакомый текст.

– Идут понемногу.

На самом деле я толком ни на какие решительные переделки не мог отважиться, мешала неуверенность в себе. Вероятно, она это понимала.

– Давайте подумаем вместе. Мне кажется, монологи в конце первого и в середине третьего действия можно сократить, многословие ни к чему. Вы уж не сердитесь, Вы вообще несколько многословны. Постарайтесь избавиться от лишнего. И не надо слишком сложных фраз, актерам трудно их запоминать и произносить. А вот в сцене объяснения Ольги и Степана его реплики стоит усилить, пусть настаивает на своем, проявляет мужской характер. Вы ведь таким его видите?

– Да, конечно.

– Саму сцену распишите поподробнее, чтобы было больше действия. Ольга отходит к окну, задумчиво смотрит на закат. Степан близко подходит к ней. Минуту-две он молчит, потом резко поворачивается, и начинается тот самый, все разрешающий разговор. И в других местах тоже. Я кое-где отметила, а то получается слишком статично.

– А зачем это расписывать? Режиссер сам поставит актеров, как считает нужным и скажет, где сделать паузу и как двигаться.

Лидия усмехнулась.

– У режиссера свое видение, свое прочтение. Но это потом. А от Вас он хочет получить готовый продукт. Вы должны увидеть все до мельчайших подробностей. И на самом деле Вы видите, иначе и сюжет не развивался бы, и диалоги не выстраивались. Ну, так и пропишите! И Вы сразу поймете, что лишнее, а что, наоборот, надо прояснить. Я понятно говорю?

– Понятно, но я еще должен подумать. А как быть со Стешкиным? Замыслов просил сочинить роль для него.

– Забудьте про это. Василий Петрович после болезни еще не оправился окончательно, никакая новая роль ему не по силам, и все, в том числе и Анатолий Петрович это понимают. Я думаю, разговора об этом больше не возникнет.

– Вы сняли камень с души.

Лидия улыбнулась:

– Понимаю.

После этого разговора с Лидией я почувствовал освобождение от комплексов. Казалось, легким движением руки она толкнула замершие стрелки, и часы понемногу пошли по predeterminedенному им кругу. Все вдруг встало на свои места, и в течение двух недель работа была закончена.

Я был благодарен Лидии, но не только поэтому находил предлоги, чтобы заходить к ней. Эта женщина нравилась мне все больше и больше. Но отношения наши за рамки деловых не выходили, и я не видел никакой возможности изменить ситуацию. К тому же я боялся Дашку. Не встречаться в театре мы не могли, но я старался сделать эти встречи как можно более короткими. Дашка смотрела тоскливым взглядом и тяжело вздыхала. Я понимал, что долго так продолжаться не может, что надо объясниться. Но совершенно не представлял, что ей сказать. Ее искренность не вызывала сомнений и обижать ее не хотелось.

Если бы она не была так сильно влюблена и не стремилась за меня замуж, наши отношения могли бы продолжаться не без приятности, пока по обоюдному согласию не сошли бы на нет, такие варианты в моей жизни бывали. Но ее это вряд ли устраивало, а что она нафантазировала, можно было только догадываться. Кончилось тем, что однажды она приехала ко мне вечером без звонка и прямо в дверях, сильно волнуясь и сдерживая слезы, сказала:

– Если ты не хочешь, чтобы мы поженились, то не надо. Но я, блин, так больше не могу.

Мне пришлось утирать слезы и отпаивать ее чаем. Кончилось все тем, что она у меня осталась. После этого мы встречались раз или два в неделю. Она оказалась сообразительнее, чем я думал, и старалась не обременять меня чрезмерной любовью.

Тем временем окончательный вариант пьесы был готов. Прочитав его, Сам заявил, что теперь это ближе к истине, и что он готов приступить к репетициям. Следующая фраза была не столь приятна: «Теперь все дело, – сказал он, – за спонсором».

xxx

Где-то в тумане того непонятного, что называется будущим, затерялся день, когда моя фантазия оживет в свете рамп, и заставит перевоплотиться мужчин и женщин, чтобы рассказать другим мужчинам и женщинам, сидящим в темном зале, придуманную мной историю, и заставить их плакать и смеяться. И это будет день моей победы.

Медных труб я желал. Я жаждал медных труб. Хотел так, как не хотел никогда и ничего. Они звучали в ушах, под аккомпанемент их завываний я выходил на сцену, вызванный восхищенной публикой, и зал взрывался аплодисментами. За этот миг я готов был заплатить любую цену. Но я совершенно не представлял, где бы я мог взять нужную сумму..

...Повернув ключ в замке, я уже в прихожей почувствовал

легкий запах хорошего табака. Он сидел на кухне, вальяжно развалившись на угловом диване и курил сигару, стряхивая пепел прямо на пол. Как и в прошлый раз, цилиндр он пристроил рядом с собой, а трость приспособил в углу.

– Извините великодушно, что вот так, без предупреждения. У меня есть основания полагать, что Вы желали встречи со мной.

Я с отвращением посмотрел на нахальный нос. Меня вдруг охватили сомнения, и стало казаться, что я встраиваюсь в какую-то безответственную авантюру с весьма сомнительными, можно даже сказать, непредсказуемыми последствиями.

– Впрочем, если мой визит нежелателен, могу уйти.

– Да нет, сидите, – спохватился я, представив свое отчаянное положение – Но пепел зачем на пол трести, вон ведь пепельница стоит.

– Ах, да, действительно пепельница, а я и не заметил. Да я так, по свойски, надеялся, извините мою небрежность. Тем более, что у Вас и без того нечисто, и запашок, – он покрутил носом, – небось, мусор давно не выносили. Но если нельзя на пол, то я и в пепельницу могу.

Разговор, как и в прошлый раз, начинал приобретать оттенок бреда. Чтобы вернуть его в реальность, я предложил кофе – все-таки некая материальная субстанция.

– Можно и кофею, можно и что-нибудь покрепче, и шампанского можно. Шампанское даже обязательно, обмоем, так

сказать. Но сначала кое-какие формальности.

– Шампанского нет, мы с Дашкой в прошлый раз все выпили.

– Ах, Даша, Дашенька, нежный цветочек! – он насмешливо посмотрел не меня, дразня нахальным носом, – Зачем Вам понадобилась эта дуреха? Хотя, понимаю, молодость, невинность, кожа, как персик, первоцвет, можно сказать. На свежатинку потянуло?

– Заткнитесь!

– Да ладно Вам, хватит нервничать. А шампанское будет, не извольте беспокоиться, шампанское обеспечим. Но сначала о деле.

С этими словами он достал из внутреннего кармана сложенную вдвое бумагу и стал расправлять ее, приговаривая:

– Помялась, вот беда-то! Но ничего, сейчас мы ее разглядим. Вот, так уже лучше! Вы готовы?

– Готов, – сказал я после короткой паузы.

– Ну, и славненько. – Гость повернул бумагу так, чтобы я мог видеть текст. Он изобиловал казенными и канцелярскими словами, смысл которых я уловить не мог. Что-то вроде: «В виду вышеуказанного, а также исходя из оговоренного ниже и ссылаясь на параграф 24 пункт 3 документа от 32.4., рассмотренного при подготовке исходящего, учитывая также постановление №798, стороны вынесли решение о совместном временном владении, предусматривающее нерасторжимость договора без особых обстоятельств, обу-

словленных пожеланиями сторон». На документе стояла печать районного БТИ.

– Ничего не понимаю, – сказал я, отодвигая бумагу.

– И не надо Вам понимать, все это формальности, а формальности что? Так, одно название. Зачем Вам вникать, Вы человек творческий. Вы подписывайте.

– А печать БТИ откуда?

– Так другой не нашлось. Да и какая разница? Печать всегда печать.

Я вспомнил, сколько я подписывал договоров, даже не читая, в бытность свою в агентстве и как редактор, и как автор, с разных, стало быть, сторон, и хотел уже и этот подмахнуть, но подумал, что те были стандартные, а этот совсем ни на что не похож.

– Но и ситуация неординарная, – продолжил он мои мысли.

Я вздрогнул. Но, вспомнив, что в документе есть намек на возможность расторжения, подписал.

– И второй экземпляр извольте подписать. Один Вам, другой мне. Так уж положено.

Я подписал и второй.

– Ну и славно, теперь и обмыть можно.

Он подошел к холодильнику, достал бутылку шампанского и тарелки с закусками, чего там утром, когда я уходил, не было.

– Ставьте бокалы. Да не смотрите с таким удивлением,

я же обещал шампанское.

После первого бокала я задал вопрос, который давно меня тревожил:

– Скажите, а почему среди такого множества людей Вы выбрали именно меня?

Он ухмыльнулся, прищурившись.

– А почему Вы думаете, что именно Вас? То есть Вас, конечно, но не именно. Таких, как Вы, достаточно набирается.

– А все-таки, по какому признаку выбираете?

– Так все и расскажи. Не люблю события опережать. Время придет, сами догадаетесь.

– А что за договор Вы меня заставили подписать?

– Да не заставлял вовсе. Сами ждали меня, дожидаться не могли. Будут у Вас и деньги, и слава, за это и поднимем тост. – Он снова разлил шампанское по бокалам. – Но никому, прошу Вас, а то неприятностей не оберемся. У каждого, знаете ли, своя тайна. Только не сочтите меня сплетником. Вот, к примеру, соседка Ваша, Анна Ивановна. Милая старушка, но не простая, ох, не простая. Колбасы купить просит подешевле 150 грамм, а у самой в комод, среди старого тряпья, многие тысячи лежат, и все не в рублях.

– Бросьте, откуда у нее деньги!

– Хотите знать? Была у нее сестра двоюродная, в Александрове жила. Лет десять, как померла. Когда заболела, вызвала к себе Анну Ивановну. И сообщила ей, где припрятаны драгоценности старинные, от матушки доставшиеся.

Думала, совсем смерть пришла, чтоб в чужие руки не попали. Но видать, не подошел еще ее срок, на поправку пошла. Ну и помогла тут ей Анна Ивановна, травки кое-какой стала в чай подбавлять. Против травки вся ваша медицина бессильна. Как похоронила сестру, часть драгоценностей на деньги поменяла, а часть так оставила. Для кого бережет – непонятно, никого у нее родственников нет, одишенька на белом свете.

– Сказки рассказываете.

– Не верите, ну и не надо. Вижу, не очень Вам старухины тайны интересны. Но и другие, помоложе и покрасивее тоже скрывают кое-что. Та же Лидия. Ага, вижу, глазки-то загорелись, Лидия больше интереса вызывает. Но не скажу, сами, коли надо, признавайте.

– Не любитель я чужих секретов.

– Да полно! Чужие секреты все любят, да только не все признаются. Из чужих секретов при случае и пользу извлечь можно.

Я решил, что пора сменить тему и спросил:

– Послушайте, почему мне кажется, что я Вас где-то видел?

– А может, и вправду видели? – Он хитро улыбнулся.

И действительно, как я сразу не понял, ведь он один в один похож на нашего школьного учителя физкультуры! Он сделал какую-то гримасу, и с тем же самым лицом стал вдруг директором рекламного агентства, а потом и вовсе

превратился в актера Валентина Журавлева.

– Ладно, хватит, – сказал он, откидываясь на спинку дивана. – Устал. Вы отдыхаете, а я между тем работаю. Вы, кстати, кофей обещали.

Я отошел к плите, сварил кофе и разлил его по чашкам. А когда обернулся с чашкой в руке, его уже не было.

Исчез. На столе остался только дурацкий договор. Перечитав его несколько раз, я так ничего и не понял.

х х х

Утром, часа за два до того, как я обычно просыпаюсь, то есть в рань несусветную позвонил Валька.

– А знаешь, я был не прав, мы нашли общую концепцию.

– Ты о чем?

– Ну, Сам согласился в основном с моей трактовкой. Ты что, не въезжаешь?

– Теперь въехал. Согласился, и замечательно. – Мне хотелось сообщить ему, что эта новость не протухла бы и часов до 11, но я удержался, понимая, что Валька, может, всю ночь не спал, переживая разговор с режиссером. – Значит, увидим тебя в главной роли?

– Ну да. Только постановка откладывается до следующего сезона. Сейчас будет ставиться твоя пьеса. Вчера была читка, всем понравилось. На следующей неделе начнутся репетиции. Поздравляю.

Похоже, он действительно был рад за меня. Но я понимал, что от читки до постановки дистанция огромного размера, и измеряется она не километрами, а тысячами, причем в американских долларах. Визитер мой вчера про деньги поговорил-поговорил, да и исчез, может, при себе не было, надо в банк зайти, со счета снять, успокаивал я себя, хотя в глубине души понимал, что не в банке он деньги берет.

Пожалуй, для начала следует разобраться с договором, который я подписал. Его странность и малопонятность внушала тревогу. Я должен уяснить себе, какие неожиданности он может сулить. Самым разумным показалось проконсультроваться с юристом, но сначала надо зайти в БТИ, ведь на договоре стояла печать именно этого учреждения. Я зашел в ближайшее, благо оно находилось в подъезде соседнего дома. Судя по тому, что у этого подъезда постоянно сменяли друг друга дорогие иномарки, учреждение было солидное.

Первая же дверь, которую я приоткрыл, оказалась дверью какого-то важного начальника.

– Здравствуйте, – сказал я, – Вы не можете...

– Не могу, – ответил начальник, не поднимая головы от бумаг на столе.

– Но, может быть...

– Не может. – Не оборачиваясь, он как-то уж очень обидно махнул рукой в мою сторону, словно и не человек я был, а так, букашка малая, лист осенний, ветром скрученный.

Из соседней комнаты выскочила полная крашенная блондинка лет пятидесяти, и, оттесняя меня всем корпусом от двери, завопила:

– Что Вам надо? Вы что, не видите, человек работает!

Я протянул ей договор.

– Эта Ваша печать?

– Ну, наша, и что с того? Мужчина, отойдите от двери! Все, чуть что, лезут к самому Николаю Васильевичу! – пожаловалась она подошедшей другой, похожей на вопросительный знак даме, протягивая ей договор. – Я без очков не вижу, посмотрите, что там, а то ведь не отстанет, им все равно, обед у нас, или не обед!

Другая уставилась на бумагу.

– Так здесь же ничего нет!

– Как нет? Только что было!

– Бумага пуста совершенно.

И действительно, договор вместе с печатью куда-то исчез. В руках у полной блондинки был девственно чистый лист.

– Ошибка вышла, извините, не ту бумагу достал. – Я взял бывший договор и, скомкав, сунул в карман. БТИшные дамы проводили меня обалдевшими взглядами.

– Шутить изволите, господин мистификатор, – сказал я вслух, входя в свою квартиру.

– Да какие уж тут шутки! Нечего кому ни попадя договоры показывать. Так и в милицию схлопотать можно.

Он снова сидел на моей кухне, на том самом угловом ди-

ванчике.

– И давайте договоримся, или мы доверяем друг другу, или прощаемся сейчас, и больше Вы меня не увидите.

– Но вчера... – растеряно произнес я.

– Мало ли что было вчера! Вчера и Вы в БТИ не ходили. Ладно, оставим БТИ. Поосторожнее советую впредь быть. И к юристу не обращайтесь, ничего интересного юрист Вам не скажет.

Он встал.

– Вынужден откланяться. Дела.

xxx

Про деньги опять не сказал ни слова, и от этого тревожно сосало под ложечкой. Дома после его визита стало совсем неудобно. Я вспомнил, что спектакль в театре скоро заканчивается. К этому времени я успел проголодаться, и лучшим местом, где можно закончить вечер, показалось мне кафе рядом с театром, после спектакля туда часто заходили перекусить и пропустить по рюмке актеры, и можно было узнать какие-то новости, а то и подслушать, что говорят о моей пьесе, меня в лицо в театре пока мало кто знал, а разговаривают актеры обычно громко.

Я пришел рано, и в кафе было лишь несколько человек, к театру отношения не имеющих. Заказав какое-то мясо, кофе и рюмку водки, я сел в углу лицом к двери. Не знаю, ко-

го я ждал, но кого-то ждал. И кто-то появился, едва я успел расправиться со скромным ужином. Кто-то оказался женщиной, элегантной, стройной, довольно высокой, с собранными на затылке светлыми волосами, и эта женщина, обведя глазами зал, направилась к моему столику. Сев напротив, она приказала:

– Закажите чай с лимоном без сахара.

К этому времени я узнал ее, хотя сегодняшней облик сильно отличался от обычного, мне даже показалось, она не успела снять грим и переодеться после спектакля. Это была прима театра Елена Смольская, лучшая актриса, которую я когда-либо видел, лучшая в нашем городе, а, может быть, и лучшая во вселенной. Польщенный вниманием звезды к моей скромной особе, я несколько смущенно спросил:

– А может быть еще что-нибудь, Елена Дмитриевна?

– Нет, Только чай, устала, – она потерла виски.

Сегодня, в легком макияже, с красиво уложенными волосами, она выглядела красавицей, хотя красавицей не была. Даже не так, не красавицей она выглядела, она была прекрасна. Пока я подзывал официанта, делал заказ, и пока официант нес на подносе чашку и чайник, прикрытые салфеткой, она внимательно и серьезно рассматривала, можно сказать, изучала меня. И было в ней нечто новое, чего я не замечал раньше, что-то такое, что делало понятным – этой женщине невозможно отказать никогда и ни в чем. Выпив маленькими глотками посветлевшую от лимона жидкость, она пове-

лительно произнесла:

– А сейчас мы с вами поедem в ночной клуб.

Оторопело глядя на нее, я мысленно подсчитывал, сколько у меня в кошельке денег. Мне случалось, правда, в мужской компании посещать подобные заведения, и я знал, сколько стоит там бутылка шампанского. На бутылку у меня, пожалуй, набиралось. А вдруг она захочет икру, или еще что-нибудь этакое? Конечно, за ужин с такой женщиной не жалко и заплатить, если бы было чем! Кажется, Елена поняла мои сомнения.

– Нас ждут. Пойдемте, наконец, у меня не так много времени.

– Но я без галстука, – сказал я, и подергал ворот водолазки. – Не пустят.

– Я тоже не в вечернем платье, – она была в элегантном брючном костюме, который можно при желании принять и за вечерний. – Со мной пустят.

В нашем городе было несколько ночных клубов, мы приехали в самый шикарный. Пожилой швейцар, похожий на старорежимного генерала, приветствовал нас низким поклоном.

– Мы к Арнольду Викторовичу, – сказала небрежно Елена.

– Предупрежден, Елена Дмитриевна. – Швейцар оглянулся, и тут же возник молодой человек в черной паре и белом галстуке. – Проводите.

Вслед за мальчишеским стриженным затылком мы прошли через почти пустой еще в это время зал и поднялись на второй этаж. Здесь располагались кабинеты, скрытые от посторонних глаз тяжелыми занавесями. Наш сопровождающий откинул одну из них, и я увидел круглый стол, на котором стояли цветы, серебряное ведро с торчащей из него бутылкой и горели отражающиеся в хрустальных бокалах свечи. На угловом диване перед низким столиком сидел человек с высоким стаканом в руке, он тут же, отставив стакан, поднялся нам навстречу. Поцеловав Елене руку, он отодвинул стул с высокой спинкой.

– Присаживайтесь, Елена Дмитриевна, – Он повернулся ко мне. – Грохольский Арнольд Викторович. – Я произнес свое имя, которое ему, скорее всего, ничего не говорило. – Присаживайтесь, пожалуйста.

Облик Грохольского свидетельствовал о принадлежности к высшим слоям общества. Держался он с достоинством, но без высокомерия. Кого-то он напоминал, только я никак не мог вспомнить, кого. Вроде, лицо где-то виденное, крупные черты, нос явно великоват, Но незнакомая уверенность и властность во взгляде, в каждом движении. Да нет, и лица, пожалуй, не припомню.

– Елена Дмитриевна, я не рискнул без Вас заказывать ужин, Вы уж сами выбирайте, – Грохольский протянул Елене карту.

– Никаких ужинов после семи, издержки профессии, –

Елена смягчила свой отказ улыбкой.

– Жаль, а я-то надеялся угостить Вас. А Вы, молодой человек?

– Спасибо, только что ужинал.

– Ну, как хотите. Шампанского могу предложить?

– Пожалуй. – Елена снова улыбнулась. – Отказаться от хорошего шампанского выше моих сил.

Грохольский кивнул нашему провожатому, оказавшемуся и официантом, и тот, достав из серебряного ведерка охлажденную во льду бутылку, умело, не проронив ни капли, открыл ее, вытер горлышко салфеткой и разлил золотистое вино по бокалам.

– «Новый свет». Брют. Предпочитаю французскому. За встречу?

Елена отпила немного и поставила бокал, я сделал то же самое. Вино показалось мне слишком сухим, даже слегка горьковатым.

– Прекрасное вино, не правда ли? А теперь к делу. Что будет предметом нашего разговора?

– Арнольд Викторович, мне нужны деньги. В долг, разумеется.

– И много?

– Три тысячи. Я дам расписку.

– Дорогая Елена Дмитриевна, я дам Вам и три тысячи, и значительно больше, и расписка Ваша мне без надобности.

– Больше не надо – Елена посмотрела ему прямо в глаза –

своими светлыми, почти прозрачными, в его темные, в которых отражались и свечи, и блеск хрусталя, и от этого казалось, что они искрились то ли насмешкой, то ли любопытством.

– Чтобы все было понятно, я должна объясниться. Мы с Александром Леонидовичем задумали один проект. Театральный, разумеется. Нам не хватает именно этой суммы. Сам проект пока тайна, – она слегка запнулась, – коммерческая. Но если Вы считаете нужным, я расскажу. Я имею здесь и творческий интерес, хочу сыграть, наконец, полноценную современную роль.

– Помилуй Бог, тайна, так тайна, тем более, что коммерческая, – он слегка насмешливо улыбнулся.

Я открыл было рот, чтобы напомнить: если она имеет в виду мою пьесу, то нужно десять тысяч, а не три, но почувствовал легкий удар туфелькой по ноге и промолчал.

– Значит, не хватает трех тысяч. А когда деньги нужны?

– Желательно сейчас.

– Тогда извините, оставлю вас на несколько минут. С банкоматом лично приходится общаться.

Когда он вышел, я не выдержал и спросил:

– Кто он?

– Один из самых богатых людей в нашем городе. Банкир и предприниматель.

– Но ведь... я замялся.

– Все знаю, потом.

Вернувшись, Грохольский положил перед Еленой деньги, и она небрежно убрала их в сумочку. Мы просидели еще минут пятнадцать, мучительных для меня из-за непонятности ситуации, потом Елена, посмотрев на часы, сказала:

– Арнольд Викторович, Вы уж извините, мы пойдем. Пора.

– Понимаю. – Он поцеловал Елене руку, – Привет супругу и до встречи. Удачи Вам, молодой автор.

– Надеюсь, все останется между нами троими?

– Разумеется, моя королева.

Когда мы отошли на достаточное расстояние от кабинета, я спросил:

– Куда теперь?

Елена искоса посмотрела на меня, и вдруг, помолодев лет на десять, озорно перекрутилась на одной ноге и негромко пропела:

– «В игорный дом. Тем груды золота лежат...» Я знаю, надо десять тысяч, а, может, и больше. Пойдем их выигрывать. Три я взяла потому, что, если наша авантюра провалится, эту сумму я через несколько месяцев смогу отдать.

– Как-нибудь разберемся, кто будет отдавать, – сказал я, надеясь сам не знаю на что. – А Вы когда-нибудь играли?

– Нет. А Вы?

– Тоже нет. Только смотрел.

– Тем лучше. Новичкам везет. К тому же у меня сегодня такой день, когда я наперед знаю, что будет.

– Так идемте, идемте скорее! – почти прокричал я, заражаясь ее легкомыслием.

Мы прошли в казино при клубе. Здесь игра уже началась, вокруг зеленых столов, сливаясь в единое черно-пестрое пятно толпились мужчины в смокингах и женщины в вечерних платьях, горели свечи, звучали короткие фразы, которые я и не пытался понять. Елена велела обменять деньги на фишки.

– Все?

– Все!

Я подчинился. Мы подошли к одному из столов и постояли некоторое время, наблюдая за игрой, вернее, наблюдала она, я ждал.

– Ставьте на красное!

Я оглянулся на Елену – разрозовевшаяся, с выбившейся на лоб прядью волос, она была очень хороша. Почти не понимая, что делаю, я снова подчинился. В зале повисла плотная тишина. Я отвернулся, чтобы не видеть, как крутится рулетка, и посмотрел на стол только тогда, когда по вдруг взорвавшейся тишине понял, что игра сделана. Крупье с непроницаемым лицом подвинул мне груды фишек. Меня охватило незнакомое раньше безумное возбуждение азарта.

– Я ставлю снова!

Елена поколебалась несколько секунд. Мне показалось, что азарт захватил и ее. Но разум возобладал, и она, став снова такой, какой я увидел ее в начале вечера в кафе, ре-

шительно произнесла:

– Нет, здесь достаточно. Идемте скорее, пока не наделали глупостей.

Выйдя из клуба, мы дошли до какого-то бара. Единственный посетитель был увлечен разговором с барменом. Сев к ним спиной и близко сдвинув плечи, мы на коленях пересчитали полученные в кассе деньги. Оказалось ровно восемнадцать тысяч.

– Десять Вам, три я отдам Грохольскому, остальное поделим пополам, распорядилась Елена. Возбуждение еще не совсем оставило ее, и, когда она пересчитывала деньги, ее пальцы слегка дрожали.

– Но это несправедливо. К тому мне надо ровно десять.

– Увидите, понадобится больше, так что берите. Если захотите, когда-нибудь потом, когда разбогатеете, отдадите.

После последних событий перспектива разбогатеть не казалась мне такой уж нереальной, и я взял деньги.

– Надеюсь на Ваше молчанье, – сказала Елена. И поклянитесь никогда больше не играть.

– Клянусь, – сказал я.

– А теперь закажите шампанского.

Шампанское оказалось теплым, сладким и невкусным, но мы выпили по глотку, глядя друг другу в глаза. На близком расстоянии глаза ее казались прозрачными, такие обычно меняют цвет в зависимости от одежды и освещения, я ощущал запах ее волос и духов, нежное тепло ее плеча. Ее

доверчивая близость радовала меня, и на какую-то секунду показалось... Но нет, на этом лежало табу. Я улыбнулся, подумав, что со стороны нас можно принять за тайных любовников, но тут же поправился – скорее за заговорщиков, пьющих за успех какого-нибудь совершенно невероятного предприятия. Возбуждение азарта постепенно оставляло меня, на его место приходила счастливая уверенность, что теперь все будет хорошо.

– Не знаю, как и благодарить Вас!

– Сочтемся.

То ли от усталости, то ли от пережитого волнения лицо ее побледнело, вокруг глаз легли темные тени.

– Мне, пожалуй, пора.

Выйдя на улицу, она остановила такси.

– Я провожу Вас!

Елена ничего не ответила, лишь подняла руку в прощальном приветствии. Несколько минут я следил за задними огнями увозившей ее машины, но вскоре они замешались в потоке других огней. Минувший вечер канул в вечность.

xxx

Деньги и слава, слава и деньги... Человек пишет, сочиняет музыку, снимает кино, считая, что ему есть, чем поделиться с миром. А на самом деле все сводится к этому – слава и деньги. А без славы как поделишься? Никто о те-

бе и знать не будет! Деньги даже важнее, потому что славу можно купить. Если бы не деньги, не видать мне своей пьесы поставленной. А теперь мне хватит и на то, чтобы оплатить скромную рекламу на местном телевидении. У нас город хоть и большой, но все-таки не столица, безумных денег не заломят.

Хотя почему я должен платить за рекламу? Театр заинтересован в успехе спектакля не меньше, чем я. К тому же на все постановки Самого рецензии и так публикуют, именуя каждую не иначе, как «значительным событием в культурной жизни города». И на телевидение его приглашают, и на радио даже без премьеры. А уж после премьеры обязательно.

Я решил, что найду оставшимся деньгам другое применение. Моя повесть, уже давно лежавшая в издательстве, не печаталась все по той же причине – не было денег. Во всяком случае, так объяснял Главный редактор, все-таки удосужившийся ее прочитать. Он повторял, что успех книги – это потеря, что новому автору нужна раскрутка, а это опять же деньги, да и бумага подорожала, и еще налог на добавленную стоимость... Я понимал, что издательство не хочет рисковать, будь у меня спонсор, все пошло бы иначе. Но о спонсоре я и мечтать не мог. Я и звонить в издательство лишний раз смущался – вдруг отказывают не из-за денег, а потому что повесть не хороша.

Теперь все изменилось. Удача с пьесой вселила веру в себя. И, главное, были деньги. Я примерно знал издатель-

ские расценки, двух – двух с половиной тысяч долларов хватит для начала, а потом книга должна приносить прибыль. Именно это я и хотел предложить, заехав к Главному редактору. Но, войдя в кабинет, я и по его улыбке, по тому, как он встал мне навстречу, по самому тону разговора понял, что его отношение ко мне переменилось. Он больше не вспоминал ни про лотерею, ни про подорожание бумаги, ни про добавленную стоимость. Я понял, он знает, что в «Замысле» ставится моя пьеса, а значит, мое имя приобретает совершенно иной вес. На другой день мы подписали договор, по которому я получал гонорар в размере трех тысяч. Книга должна была выйти примерно в одно время со спектаклем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.